

Бардак в твоём сердце

Направленность: Слэш

Автор: Wildberry (<https://ficbook.net/authors/103326>)

Фэндом: Фантастические твари и где они обитают

Рейтинг: PG-13

Жанры: Драма, Hurt/comfort, AU

Размер: Драббл, 10 страниц

Кол-во частей: 2

Статус: закончен

Описание:

Криденс мечется. Он не знает как ему быть, не знает сможет ли еще раз довериться, но губы все равно предательски шепчут: "Помоги мне".

Посвящение:

Ну конечно же человеку, с которым нельзя было не разделить эти прекрасные моменты рождения и падения нового ОТП. Надеюсь, мы еще полюбуемся на них на большом экране*-*

Публикация на других ресурсах:

Уточнять у автора/переводчика

Примечания автора:

Ну вот только что с фильма. И да, я шипперила этих двоих еще до фильма, только по промо-фото и видео с Комик-кона, так что вся эта кутерьма с очень уж очевидным твистом со СПОЙЛЕР превращением в Деппа... Гспд ну за что вы так... Хотя, кто знает, может и вернут этих двоих к нам. На счет чего я и порассуждала в вот этом рассказике.

ТОС

ТОС	2
Разум	3
Примечание к части	7
Сердце	8
Примечание к части	13

Разум

Боль. Это все, что чувствует Криденс, когда просыпается в совершенно незнакомом ему месте. Вокруг все залито белизной — такая разительная перемена обстановки после сумрачного пропахшего плесенью дома приемной матери. Он морщится от воспоминаний, сжимая накрахмаленные простыни, пока ткань не впивается в ладони почти с такой же силой, как и пряжка ремня, каждый раз, когда приходилось стаскивать его с себя, чтобы отдать Мэри-Лу... С губ непроизвольно срывается стон, и Криденс на секунду задумывается: может, это и есть ад, в котором *таких, как он*, преследуют вечная боль и ужасные воспоминания?

Но нет, он, по-видимому, жив. Кто-то суетится возле, слышны голоса. Кажется, это та женщина, что пыталась спасти его — ее обеспокоенное лицо мелькает из-за плеч невозмутимых медсестер в белых чепцах, что-то выверяющих странными приборами, при этом наколдovывая непонятные пузырьки прямо из воздуха. Какое-то время ему еще хватает сил, чтобы следить за тем, что происходит вокруг, но вскоре Криденс проваливается в глубокий сон, хотя бы там избавляясь от боли и бардака в голове.

Когда он просыпается в следующий раз, боль в теле уже не кажется невыносимой. Однако все еще кружатся в голове фрагменты того, что произошло той ночью, и предпочтительнее даже была бы физическая боль. Только бы что-то отвлекло от этих образов горящего города и мертвых людей, которых он убил своей силой. Неожиданный шорох откуда-то сбоку заставляет резко повернуть голову, отчего все вокруг расплывается, спустя некоторое время выхватывая среди белоснежного помещения женскую фигуру в сером костюме, гордо восседающую на краешке пустой койки. Криденс откуда-то ее помнит, но вот откуда именно? Судя по палочке, покоящейся на ее коленях, эта женщина — волшебница, ведьма, но вот только прежней ненависти в сердце больше нет. Она ведь не сделала ему ничего плохого, разве нет?

— Криденс? — ее голос мягок и обходителен, но в движениях он улавливает готовность в любой момент отразить атаку, отчего немного обидно и горько. Неужели он такая угроза?

— Да, меня так зовут. Криденс Бэрбоун, — странновато, но — он пытается улыбнуться. Наверняка они не в курсе, но это, кажется, пятый раз, когда он пытается вызвать улыбку на своем лице.

— Нет. Вовсе не странно, — женщина тоже улыбается, отчего ее лицо становится будто бы ярче. Криденс вдруг задается вопросом, что, может, ему бы тоже пошла улыбка, — меня зовут Серафина, я — президент МАКУСА, хотя, думаю, с объяснениями лучше повременить до лучших времен, не так ли?

Бэрбоун кивает в знак согласия, нерешительно разглядывая гостью, отмечая серебристые волосы и лукавый взгляд эбонитовых глаз. Кажется, Серафина хочет сказать что-то еще, но их прерывает мракоборец, материализовавшийся прямо из воздуха возле президента, передавая ей записку. Она пробегает по ней взглядом, резко выдыхает и поднимает голову на мракоборца:

— Вы нашли его!

— Нам нужно ваше присутствие на заседании, как можно быстрее. Они хотят удостовериться, что это *действительно он*.

Незнакомец бросает взгляд в сторону Криденса, и ему хочется провалиться сквозь землю от той неприязни, что чувствует, исходит от этого человека. «Это моя вина», — начинает биться болезненным молоточком в голове. И в голове снова бардак.

Серафина кивает своему подчиненному, и тот вновь исчезает, словно бы его и не было.

— Я еще навещу вас, мистер Бэрбоун, — она встает, разглаживая невидимые морщинки на дорогой ткани, прежде чем взмахнуть палочкой и точно так же, как и предыдущий гость, раствориться в воздухе.

Почти так же, как делал он...

Воспоминания накрывают его с головой так внезапно, что Криденс задыхается, запрокидывая голову назад, выгибаясь на кровати дугой. Эти видения. Отрывки прошлого, в котором его преследует тот самый голос. Те самые слова, оказавшиеся ядом. Те самые глаза, словно бы способные заглянуть в душу.

Криденс не замечает, что кричит, пока в палату вновь не сбегаются медсестры, направляющие на него палочки, шепча какие-то заклинания. Все вокруг погружается в спасительную черноту, вырывая разбитое сердце из сетей.

Так, в почти полной изоляции и постельном режиме, проходят несколько дней. Пару раз случались приступы, но уже слабее, и на лицах лекарей уже не отражается страх. Они стараются улыбаться ему, порой приносят вкусности, словно бы прикармливая дикого зверька. И Криденс не отрицает — он совсем одичал, никогда так и не познав настоящей любви по отношению к себе.

Через неделю к нему заглядывает Тина — он теперь знает имя той храброй женщины, когда-то защитившей его от Мэри-Лу ценой собственного звания. Криденс приветствует ее смущенной улыбкой, на что та делает быстрый шаг вперед и сжимает его тело в объятиях.

— Мы думали... Я думала, ты умер, — в ее глазах стоят слезы, — Криденс, мне правда очень жаль. Все, что ты пережил... Мне правда очень жаль.

Он лишь кивает, боязливо смотря на ладони, покоящиеся на своих руках, стараясь не вспоминать того, кто делал точно так же. Словно бы поняв, о чем его мысли, Тина поспешно убирает руки, опуская взгляд, явно чувствуя себя некомфортно. «И снова твоя вина», — молоточек в голове настойчиво напоминает, и Криденсу хочется уйти, покинуть это место, только бы не разочаровывать кого-то.

— Мне хочется побыть одному.

Она кивает, сочувственно улыбаясь, после чего подхватывает пальто, прощается и

выходит за дверь. Криденс слышит, как она выдыхает и говорит кому-то:

— Думаю, он еще не готов для допроса.

Шаги, свист палочек, а затем снова тишина. Криденс выдыхает, но глубоко внутри ему становится одновременно интересно и страшно. Ему кажется, что скоро что-то произойдет, то, на что он не в силах повлиять.

Спустя месяц его все же вызывают на допрос. Гигантское здание кажется таинственным замком, о котором он лишь читал своим младшим сестрам, и Криденс невольно любит блестящими диковинными механизмами, вечно звенящими, трезвонящими и рассылающими непонятные записки. Он почти что врывается в бегущего куда-то мага, но Тина вовремя подхватывает его за воротник новенького костюма, любезно присланного Серафиной. Юноша улыбается своей, как он надеется, доброй знакомой, следуя за ней к лифту. Она что-то говорит скрюченному существу в костюмчике, оказавшемуся гоблином, и они с невероятной быстротой устремляются вниз, куда, судя по всему, приводят для допросов.

— А почему не ты будешь меня допрашивать? — они останавливаются у самой двери в комнату, и Тина сочувственно смотрит на него.

— Это не мне решать, — она кладет руку на плечо, и юноша пытается не показывать, что ему почти что больно от такого контакта, — все пройдет хорошо, я обещаю.

Она открывает дверь, и Криденс делает шаг вперед. Он ожидает чего угодно, но не того, что видит перед собой. Паника волной поднимается внутри, и Криденс рад, что обскур, или как они, маги, называли это между собой, не властен над его эмоциями.

— Здравствуйте, мистер Бэрбоун, — произносит Грейвз, сидя за столом, держа в руках один из снимков, на котором видно расплывчатое черное пятно, — поболтаем?

Юноша замирает, не зная как реагировать. Воспоминания, боль от пощечины вновь возвращаются, и на какой-то момент ему кажется, что он вот вот потеряет сознание, но стоит им встретиться взглядами, как все отступает.

— Вы — не он.

Эти слова вырываются прежде, чем Бэрбоун осознает, насколько глупо это прозвучало. Но, кажется, мужчина даже несколько удивлен.

— Как вы это поняли?

Криденс делает еще один шаг вперед, аккуратно отодвигая стул, присаживаясь на самый край.

— По глазам. Вы смотрите совершенно по-другому. И, — он замирает, чтобы набрать в легкие побольше воздуха, но не решается сказать что-то еще, видя искорки веселья в орехового цвета радужках. — Нет, нет, это все. По глазам.

Персиваль усмехается, разглядывая мальчишку. Если бы все в МАКУСА были такими же внимательными... Вероятно, они нашли бы его раньше. Вероятно.

— Ну что ж, если вы мне доверяете и разобрались, что я на самом деле не Гриндевальд, который, кстати, сумел обмануть не только вас, приступим к нашим делам, — он пододвигает вперед пару снимков, при этом не сводя глаз с Криденса, — расскажите мне все от начала и до конца.

И он рассказывает. От самого знакомства и до последней встречи. От первой лжи до последней правды, в которой он увидел истинное лицо человека, которого, как ему казалось, он... Тут уже Криденс одергивает себя, пропуская, углубляясь дальше в планы, делая вид, что не замечает заинтересованного взгляда Грейвза. Он рассказывает про обскур, про то, как, испытывая физическую боль, приручил свое проклятье, про то, как отчаянно хотел попасть в волшебное сообщество.

— Ну, теперь, я думаю, место в нем тебе точно будет гарантированно.

Тот же голос с почти такой же интонацией. Криденс недоверчиво смотрит на сидящего напротив мужчину, и видит, как тот осознает, что тот, *другой* уже говорил нечто подобное. Удар по столу эхом разносится по крохотной комнате, слишком знакомым звуком повторяясь в голове Бэрбуна. Персиваль вскакивает из-за стола, в раздражении и бессилии откидывая в сторону фото. «Это твоя вина», — теперь уже *его* голосом. Он не замечает, как всхлип прорывается сквозь плотно сжатые челюсти, но в следующий момент перед ним оказывается Грейвз, с сожалением вглядывающийся в измученное лицо молодого человека.

— Прости, я не хотел напугать тебя. Довольно трудно говорить и... Не знать, слышал ли ты раньше это или нет, — он усмехается, но глаза не покидает грусть, — от меня.

— Зачем, — Криденс отводит взгляд в сторону, чувствуя тепло магии, исходящей от мракоборца, — зачем тогда вы допрашиваете меня?

— Меня попросила госпожа президент. Ей нельзя отказать. К тому же, мне кажется, мы закончили.

Он встает и приглаживает и без того идеальную прическу, отчего Криденс чуть улыбается уголками губ. Ему кажется, что это движение он еще не видел. А значит, перед ним действительно *не он*, и вся нервозность сходит на нет.

Криденс поднимается и, ожидая дальнейших действий от Грейвза, замирает, стараясь не реагировать на внимательный взгляд светло-карих глаз.

— Ты можешь идти. И Криденс...

Юноша замирает уже в дверном проеме, резко поворачивая голову, отчего отросшие пряди волос падают на глаза.

— Может, я навещу тебя в скором времени. Ты не будешь против?

Бэрбоун сначала кивает, а затем, опомнившись, отрицательно качает головой, тут же вытягивая голову в плечи, скорее по старой привычке, чем из страха.

— Как захотите. Я не возражаю.

Грейвз кивает, удовлетворенный таким ответом, вероятно, в уме думая над чем-то еще, но юноша уже уходит, оставляя мракоборца наедине с собственными воспоминаниями и таким же, как у Криденса, бардаком в голове.

Примечание к части

Ну, это первая часть из 2 задуманных. Оставляйте комментарии, это всегда приветствуется))

Сердце

Громкий вскрик разрушает тишину, воцарившуюся в огромном доме, отражаясь от стен, уносясь куда-то под своды старинного особняка.

Персиваль резко садится на постели, стряхивая с себя остатки кошмара, рукой нащупывая под подушкой палочку. Пальцы дрожат, по лбу катится пот, но разум уже очищается, пока воля подавляет воспоминания, приходящие со сном. Он так и не смог нормально поспать с тех пор, как его вытащили из подвала, в котором он провел мучительные две недели.

Рядом раздаётся шорох, но Грейвз лишь чуть улыбается, хлопая ладонью по откинтому одеялу.

— Ну давай, Мерлин. Запрыгивай.

Джек-рассел-терьер резво запрыгивает на кровать, ластясь к хозяину, все еще счастливый от неожиданного возвращения человека в его жизнь. Грейвз продолжает улыбаться, ласково трепля пса по загривку, допуская мысль, что все же не зря Серафина подарила ему этот неудержимый ураган на прошлое Рождество со словами, что ему все-таки необходимо о ком-то заботиться. Тогда он лишь недовольно ответил что-то в духе, что ему и так нужно защищать ежедневно несколько тысяч волшебников, и что вся эта суета еще дома будет расшатывать и без того неустойчивое душевное состояние, но теперь... Забрать у одного из своих подчиненных безмерно счастливого пса было приятно в какой-то мере, к тому же, прогулки с ним и иногда раздающееся тьякканье отвлекали от лишних мыслей.

Мерлин вдруг вскидывает голову вверх, устремляя полный преданности взгляд на хозяина, и Грейвз вдруг вспоминает о мальчишке. Криденс. Как ему рассказывала Тина, он был очень привязан к Гриндевальду, почти так же преданно, как пес... Мужчина жмурится, отгоняя прочь мысли о том, как ужасно больно было и без того лишённому с детства любви человеку узнать, что единственный проявивший к нему интерес человек просто использовал его в своих целях. *Притворяясь им.* Волна злости вновь поднимается внутри, как вчера на допросе. Злость и бессилие. Но Мерлин быстро вырывает его из самобичевания, громким лаем намекая на то, что пора на кухню.

— Да, сейчас накормим тебя, — Персиваль подхватывает пса на руки, ощущая пальцами бьющееся сердце, — думаю, мы с тобой опять разбудим Реджи.

Спускаясь по лестнице, Грейвз ненароком бросает взгляд на начищенные перила и поблескивающий в предрассветном свете хрусталь люстры.

— Я даже начал скучать по этому музею, Мерлин, — задумчиво произносит он, пытаясь не впускать воспоминаний о пугающих его снах. Нет, то уже не важно, оно ушло, ведь он здесь, он дома.

Грохот с кухни привлекает внимание Мерлина ровно так же, как и запах жарящегося бекона. Нервно тьякнув, пес пытается вывернуться из крепкой хватки хозяина, на что Грейвз лишь качает головой и быстро спускается вниз, не замечая, как холодно

наступить босыми ногами на каменную плитку в холле.

— Вы снова плохо спали, мастер Грейвз, — домовый эльф недовольно осматривает хозяина, после чего огорченно вздыхает, сосредотачивая свое внимание на готовке.

— И тебе доброго утра, Реджи.

Мужчина наконец опускает Мерлина на пол, после чего подходит к плите и с некой задумчивостью рассматривает идеально ровный круг запекающегося омлета и ровные полоски бекона.

— Выглядит как всегда превосходно. Кофе готов?

Реджи на это лишь фыркает, взмахивая худенькой рукой, после чего в воздухе появляется серебряный кофейник и высокая чашка.

— Каждый день вы все еще надеетесь, что я что-то да забуду, мастер Грейвз. С самого детства. И не стыдно вам?

Персиваль смеется в ответ, хрипло и неожиданно даже для самого себя. Кошмары наконец отпускают настолько, что он вспоминает детство, и даже, кажется, помнит как пытался следить за эльфом, не забыл ли тот подготовить все к завтраку.

— Я был не слишком сдержанным ребенком.

— Ну хорошо хоть к старости исправились, — язвительно подмечает Реджи, выкладывая на тарелку еду, — кстати, сегодня обещают дождь, я подготовил вам новые ботинки. Вдруг опять вытащат вас на очередное расследование...

Эльф вдруг осекается, зажимая ручками рот, бросая испуганный взгляд на Грейвза. Тот сначала не понимает в чем дело, а затем, осознавая, что тот мог допустить, поспешно качает головой.

— Все в порядке, Реджи. Думаю, сегодня как раз МАКУСА не нужно будет прятать меня в отделе. У меня другие дела, и если кто-то... Если Серафина будет слать сов, то передай, что сегодня у меня встреча.

Он отправляет кусок омлета в рот, сдерживаясь, чтобы не расплыться в довольной улыбке. Его авторитет и так уже упал ниже некуда, не хватало еще, чтобы его домашний эльф подумал, будто он совсем одичал за пару недель.

— Вы собираетесь к тому юноше, мастер Грейвз?

Мужчина поднимает взгляд, сомневаясь, говорить ли, но затем лишь кивает, пряча глаза за чашкой кофе.

— Он же опасен, разве нет? — эльф недовольно хмурится, наколдовывая для Мерлина миску с водой, — разрушить половину Нью-Йорка... Да к тому же, якшался с Грин-Де-

Вальдом.

— Он был не виноват, что его ввели в заблуждение, — в глазах вновь появляется сталь, а голос уже не звучит мягко. Реджи почтительно кивает, и Грейвз успокаивается, допивая кофе, в мыслях возвращаясь к покинутому Криденсу.

— Тогда Вам следует поторопиться, скоро на улицах будет полно *автомобилей*.

Персиваль кивает, быстро вытирая рот салфеткой, встает из-за стола и, подзывая к себе уже готового к прогулке пса, быстрым шагом покидает кухню, бросая через плечо:

— Ты всегда знаешь, когда я хочу прогуляться.

На улицах еще пустынно, когда он и Мерлин прогуливаются вдоль еще укутанных дымкой улиц, но стоило им пройти ближе к центру, как тут же из-за угла появляются ревущие автомобили, а на тротуары выбегают вечно опаздывающие не-маги. Грейвз проходит пару перекрестков, прежде чем, подхватив Мерлина на руки, раствориться в воздухе и переместиться сразу же во двор единственной пока в Нью-Йорке больницы для волшебников.

Его уже ожидают. Строгая медсестра кивает ему, но недовольно косится на покоящегося на руках терьера.

— К сожалению, в здание нельзя с животными, мистер Грейвз.

— Хорошо. Тогда, приглядите за ним? — Персиваль невозмутимо перекладывает недовольного таким раскладом пса недоумевающей волшебнице, проходя мимо. Он слышит недовольные возгласы медсестры, но даже не оборачивается, тихо усмехаясь небольшой шалости.

Дверь в палату Криденса не заперта, и он беспрепятственно оказывается у койки, на которой лежит юноша, читая какую-то книгу. Грейвз замечает несколько газет явно не не-магического происхождения, лежащих на тумбочке.

— Я обещал, что зайду к тебе.

Криденс, кажется, совершенно не ожидал его увидеть, так как рот открывается в немом удивлении, а пальцы непроизвольно разжимаются, отчего книга падает на колени и захлопывается.

— Я... Я с-совсем не ожидал увидеть вас так скоро, мистер Грейвз, — кажется, последние два слова даются ему с трудом, и Персивалю не в чем упрекнуть его.

— Хотел сказать, что вчера ты держался молодцом. Я понимаю, это очень трудно, особенно при таких обстоятельствах, — он осекается, видя боль в темных глазах. Повисает неловкая тишина.

— С-спасибо.

Бэрбоун опускает взгляд, замыкаясь, и мужчине остается только разглядывать темную макушку и опущенные ресницы, подрагивающие в такт прерывистому дыханию юноши.

— Я хотел сказать тебе, что, — он подбирает слова, не зная, что уже *другой он* успел наговорить этому несчастному мальчишке, но в конце-концов отчаивается на решительный шаг, — что ты всегда можешь рассчитывать на мою поддержку. Всегда. В любое время.

Говоря это, он приблизился к койке Криденса, нерешительно протягивая руку, касаясь затылка в больничную пижаму худого плеча.

Тот мгновенно вскакивает с постели, морщась, словно бы от болезненного удара, отходя как можно дальше от неожиданного посетителя.

— *Криденс...*

— Уходите. Прошу, уходите, — Бэрбоун уже не может контролировать текущие из глаз соленые слезы, наконец смотря в лицо человеку, чей образ преследует его всюду, стоит ему открыть глаза утром.

Персиваль замирает, впервые, кажется, не зная что сказать. Он видит боль, пронизывающую худощавое тело насквозь, и ему самому больно. И ярость вновь закипает внутри, от того, что кто-то, воспользовавшись его влиянием, его лицом, смог уничтожить то, что было свято для Грейвза — веру в хорошее, в справедливость. Теперь же он ничего не мог с этим поделать.

— Уходите, — уже увереннее повторяет Криденс.

Грейвз кивает и уходит, оставляя позади израненного чувствами мальчишку, чувствуя как в собственном сердце творится бардак.

Он приходит вновь через пару недель. Уже не в больницу, а в крохотную квартиру, которую МАКУСА нашли для новоиспеченного волшебника. Кажется, ему одиночество пошло только на пользу, что приятно удивляет Персиваля, когда дверь открывается и на него смотрят уже не такие испуганные темно-карие глаза.

— Мне можно войти?

— Да.

Криденс пропускает гостя в дом, оглядывая мракоборца с ног до головы, пока тот в свою очередь подмечает отросшие волосы, немного выющиеся на концах, и чистый темно-серый костюм, подходящий юноше.

— Тина все еще приглядывает за тобой? — кивая на стол, на котором лежат свежий хлеб и молоко, спрашивает Грейвз. Он чуть улыбается, отмечая, что обстановка ничем не напоминает прошлое жилище Бэрбоуна.

— Она иногда заглядывает, приносит еду и кое-какие покупки. Мне еще непросто, как бы это сказать, ходить по магазинам среди других людей.

— Понимаю...

Они оба замолкают, ожидая друг от друга каких-то фраз, действий. И в этот раз Криденс начинает разговор первым, кажется, удивляясь сам себе:

— Я понимаю, должно быть, непросто работать с теми, кто... Кто считал вас другим. Персиваль поворачивается к нему, чуть наклоняя голову на бок.

— Да, ты прав, это... Это непросто. Непросто бывает завоевать людей заново, и как только, казалось бы, ты преуспел в этом, появляется новый человек, который уже не знает, ты это или нет. Они ведь не сразу поверили, когда нашли меня. Мои люди, с ними мы работали над сотней дел, смотрели на меня с подозрением, так легко они обманулись в первый раз, и так же легко готовы были поверить в то, что это была очередная уловка Гриндевальда, — горькая усмешка отражается и в орехово-карих глазах, — потому я и пришел к тебе. Я не хочу, чтобы ты думал так же, как они.

— Почему? — юноша неосознанно делая шаг вперед, видя чудовищную усталость в человеке напротив.

— Я не знаю сам.

Честное признание. Криденс выдерживает внимательный взгляд, будто бы думая о чем-то своем с мгновение. Но затем он хлопает себя по лбу, торопливо хватая с плиты чайник.

— Совсем забыл, что такие разговоры обычно сопровождаются чаем.

Это высказывание будто разбивает тяжелую атмосферу. Персиваль усмехается, изумленно глядя на Бэрбоуна, заправляющего спадающие на глаза пряди за уши.

— Прочел об этом в книгах мисс Голдштейн, — его руки немного трясутся, пока он разливает терпкий чай по скромным чашкам, но Грейвз делает вид, будто не замечает этого, присаживаясь на предложенный стул, выглядывая из окна на небольшой переулочек. Они разговаривают обо всем, начиная с детства, заканчивая уже недавними событиями. Мужчина уже охотнее улыбается к концу вечера, замечая, что страх в глазах Криденса сменяется смущением. От этого в груди разливается тепло, и кажется, что он и сам неожиданно увлечен этим юношей.

Они прощаются на пороге, пока мракоборец накидывает на плечи новое пальто, подаренное президентом взамен старого, Криденс произносит еле слышно, отчего Персивалю кажется, что ему послышалось:

— Я буду рад видеть вас еще как-нибудь, мистер Грейвз.

— Персиваль. Так будет проще.

Юноша кивает, робко улыбаясь, кажется, впервые на памяти Грейвза.

— Я не говорил тебе, — вдруг словно вспомнив, произносит мужчина, вглядываясь в темные глаза, — но мы виделись раньше. Когда Мэри-Лу... Когда она наказывала тебя, Тина, мой мракоборец, пришла тебе на помощь. Своими методами, но, — он пожимает плечами, — она это сделала. Тогда много шума было, мне пришлось вмешаться и отстранить ее. И... Я был в том доме. Видел тебя. Мне так хотелось помочь тебе, но закон есть закон, и мы тебя оставили. В этом можешь винить только меня.

Он опускает голову, слыша тяжелое дыхание Бэрбоуна, но совершенно не ожидает того, что следует за этим.

— Я помню тебя. Хоть ты и старался быть незаметным, но, кажется, в тот момент я уже хотел тебе довериться, даже если до этого не доверял сам себе, — Криденс делает глубокий вдох, стараясь собрать мысли в кучу, — а потом вдруг ты снова возник на одной из улиц, и я не мог не пойти следом, все так завертелось... Боже, в моей душе сейчас такой бардак, я просто не знаю, не знаю, как жить с этим... Помоги мне, пожалуйста. Помоги мне.

Персиваль притягивает его к себе, вновь не находя слов, чтобы как-то изменить прошлое. А Криденс мечется. Он не знает, как ему быть, не знает сможет ли еще раз довериться в этот раз до самого конца, но губы все равно предательски шепчут: «Помоги мне».

Кажется, что все вокруг начинает тоже дрожать и метаться, как и сердца двух людей, замерших в дверном проеме. И Криденсу кажется, что обскур вернулся, что он вновь исчезнет, став дымом от нахлынувших вновь чувств. Но он чувствует теплую ладонь на щеке, и его взгляд тонет в ореховой радужке, пока губы накрывают чужие в таком простом порыве забыть хотя бы на сутки о воспоминаниях.

Примечание к части

В голове столько всего про этих двоих, все аж не уместится в этот крохотный рассказ, но серьезно, если будут желающие, мои руки таки дотянутся до задумки про то, как Грейвз начнет обучать Криденса магии. Ну ибо эт просто прекрасно... Хотя бы в моем воображении:)